

ИЗ НАУЧНОГО НАСЛЕДИЯ

Quiescet in pace:

к 100-летию со дня смерти В.Г. Васильевского:

Глава “Последний год жизни” из неопубликованной монографии
И.М. Гревса / Подготовил к печати И.П. Медведев

В С.-Петербургском филиале архива РАН хранится неизданная монография известного русского историка-медиевиста Ивана Михайловича Гревса (1860–1941) под названием “Василий Григорьевич Васильевский, профессор и академик. Опыт биографии (1838–1899)”¹. Рукопись (автограф И.М. Гревса)² не датирована, но из слов “умерший 30 лет назад В.Г.В-ский” (с. 108) видно, что писалась она в 1929 г., именно к 30-летию со дня смерти ученого³. В ней И.М. Гревс, ученик В.Г. Васильевского и его преемник на кафедре всеобщей истории историко-филологического факультета Петербургского университета, сам ставший “родоначальником петербургской школы медиевистики”⁴, с необыкновенной теплотой и любовью “рисует” проникновенный психологический портрет своего учителя, прежде всего как гениально одаренной личности и прирожденного педагога, обладателя уникальных, чисто человеческих качеств и безграничного обаяния, пользуясь при этом, главным образом, собственными впечатлениями от долгого и близкого общения с ним, но также многочисленными некрологами В.Г.Васильевскому⁵ и доступной ему (И.М. Гревсу) перепиской ученого⁶. (“Архив его, – пишет И.М. Гревс, – во-время не был собран с надлежащим вниманием и полнотою; письма рассеяны и, вероятно, в большинстве случаев, затеряны; исчезли среди бурных перипетий последних лет многие официальные документы о его профессорской и ученой службе; главный памятник – его труды”⁷.)

Разумеется, будучи историком латинозападной цивилизации и прежде всего в ее

¹ ПФА РАН. Ф. 726 (И.М. Гревс). Оп. 1. Д. 22. Л. 103а–385 об.

² В фонде И.М. Гревса есть и машинописная копия этой монографии (Там же. Д. 22а. 358 листов), но пользоваться ею надо с большой осторожностью, часто автор машинописи даже не понимал, что он перепечатывает: не понят текст, перевернаны имена и названия, почти полностью опущены иностранные вставки и сноски и т.д.

³ Подтверждается это и перепиской И.М. Гревса, собиравшего именно в этом году материалы для написания монографии. Например, письмом из Харькова от 13 июня 1929 г. В.П. Бузескул извещает И.М. Гревса о высылке ему четырех писем (в копии) Васильевского, высказывает свое впечатление от личности и трудов ученого и в заключение подчеркивает: “Очень интересуюсь Вашей книгой о В.Г. Васильевском. Желая скорейшего ее окончания и выхода в свет” (ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 2. Д. 37. Л. 14–15 об.).

⁴ Каганович Б.С. Русские историки западного Средневековья и Нового времени (конец XIX – пол. XX в.). Автореф. докт. дис. СПб., 1995. С. 8 (гл. 1 этой неопубликованной диссертации посвящена И.М. Гревсу).

⁵ Как известно, И.М. Гревс был и сам автором одного такого некролога (*Гревс И.М.* Василий Григорьевич Васильевский как учитель науки // ЖМНП. 1899. Ч. 324. С. 27–74).

⁶ В личном фонде И.М. Гревса хранится 13 адресованных ему писем В.Г. Васильевского за 1884–1899 гг. (ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 2. Д. 41. 21 лист), множество копий И.М. Гревса с писем В.Г. Васильевского к Л.Н. Майкову (Там же. Оп. 1. Д. 22. Л. 1, 2, 20–22, 52–74, 81–99), к В.И. Ламанскому (Там же. Л. 14, 16–19, 23–28, 75–80 об.), уже отмеченные письма В.П. Бузескула (при отсутствии высланных им И.М. Гревсу копий писем В.Г. Васильевского; возвращены обратно?), а также масса других подготовительных материалов.

⁷ ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 1. Д. 22. Л. 108.

средневековую эпоху, И.М. Гревс сделал основной упор на разбор трудов В.Г. Васильевского именно в этой области, на раскрытие его знаменитых лекционных курсов по “средней истории”, византийская “ипостась” В.Г. Васильевского как исследователя намечена в монографии лишь эскизно⁸. Тем не менее (или, может быть, именно поэтому) труд И.М. Гревса представляет интерес и для византинистов, ибо дает нам почувствовать очарование еще “неизвестного Васильевского”. Особое внимание, ввиду приближающегося 100-летия со дня кончины ученого, привлекает последняя, седьмая глава книги, которая так и называется: “Последний год жизни. 1898–1899” (л. 378–385 об.). Нельзя без волнения следить за перипетиями этого последнего года в жизни ученого, когда в расцвете творческого дарования и в разгар многих научных предприятий его настигает коварная и малопонятная болезнь, на которую он сам смотрел “с покорным недоумением” (л. 383). “Острое сострадание берет за сердце; жизнь не воздала ему по заслугам”, – резюмирует пронзительными словами И.М. Гревс (л. 299). Нечто провиденциальное ощущается и в самой смерти В.Г. Васильевского: стремясь всю жизнь и всей душой в “благодатную Италию”, он, наконец, выезжает в нее, но только с тем, чтобы умереть там и найти в ней упокоение.

Текст главы публикуется полностью, без изъятий (отточия принадлежат самому автору), в том виде, в каком он содержится в автографе рукописи И.М. Гревса с сохранением индивидуального, не всегда “удобоваримого” стиля. Некоторые редакционные дополнения публикатора приводятся в квадратных скобках.

[И.М. Гревс]. Последний год жизни [академика В.Г. Васильевского] (1898–1899)¹

Лето 1898 года В.Г. В-ский проводил недалеко от Петербурга (точно не помню, где), и там он опасно заболел воспалением легких и расстройством почек. Я не раз упоминал, что он начал хворать рано. Возможно, что описанные нами тяжелые условия жизни в отрочестве и ранней юности в общежитии духовного училища и семинарии, а потом несколько полуголодных лет после студенчества подорвали уже его организм, здоровый от природы. Он болел за границей очень серьезно. Затем настали опять несколько лет нужды; далее пошел многолетний усиленный труд, недостаточная забота о себе и отсутствие внимательного ухода близких при истощающем напряжении и нервных волнениях от общественных и домашних причин.

Когда я узнал его, ему было сорок с небольшим лет, но он имел вид уже пожилого человека, часто похварывал, простуживался, страдал кишечником. Письма его полны указаний на недуги, и учебный год он всегда кончал в изнеможении, рвался на отдых вне города, обожал зеленую тишину. Я довольно часто бывал у него на даче и нередко находил его нездоровым. В частности, он страдал еще ревматизмом ног, который постоянно мучил его. От него он лечился ваннами в Одессе, как упоминалось выше, летом 1884 года. Когда я к осени 1892 года вернулся из двухгодичной командировки за границу, я нашел его очень изменившимся, ослабевшим и состарив-

л. 378

⁸ О В.Г. Васильевском как византинисте см. в изданных работах последнего времени: *Литаврин Г.Г.* Василий Григорьевич Васильевский – основатель Санкт-Петербургского центра византиноведения (1838–1899) // ВВ. 1994. Т. 55 (80). С. 6–10; *Заливалова Л.Н.* В.Г. Васильевский: ученый в свете материалов архивных собраний Москвы и Петербурга // Архивы русских византинистов в С.-Петербурге. СПб., 1995 (Т. 1). С. 36–44; *Герд Л.А.* В.Г. Васильевский: портрет ученого в свете его неизданной переписки // Рукописное наследие русских византинистов в архивах С.-Петербурга, СПб., 1999 (в печати).

¹ ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 1. Д. 22. Л. 378–385 об.

шимся. Он лечился неаккуратно и не любил советоваться с известными врачами. Был у него домашний доктор, Митропольский, давний хороший приятель, но не знаю, насколько искусный врач. Встревоженный его состоянием, я убедил его обратиться к своему знакомому доктору М.М. Шершевскому, талантливому терапевту и тонкому диагносту. В. Гр-ч после долгих отказов согласился. Шершевский тщательно осмотрел его, нашел организм расшатанным, не определил в настоящем ничего угрожающего, советовал быть осторожным, но сообщил мне, что он заметил у него следы страдания (sic!) спинного мозга, которое неожиданно счастливым образом остановилось; дальше [оно] могло [бы] грозить ему полным калечеством, даже слепотою. В. Гр-ч не испугался, шутя говорил: “Коли прошло, так слава Богу, незачем и вспоминать”. Около шести лет после того он провел более или менее сносно², но вот в 1898 г. разразился роковой недуг: это было начало конца, ему оставалось лишь менее года жизни³.

л. 378
об.

В. Гр-ча привезли с дачи средь лета в Петербург больного, и он поселился сначала у старшего своего ученика В.Э. Регеля, у которого был на Васильевском Острове свой небольшой дом с садом⁴, где гораздо лучше можно было ему устроиться на время выздоровления, чем в его высокорасположенной и мрачной квартире на Загородном проспекте. Поправка шла медленно. 18 июля он стал выходить на балкон, 28 мог несколько шагов пройтись пешком по саду Регеля⁵, и ему разрешены были лечившим его врачом Влад. Адольф. Штанге прогулки в экипаже на острова. Перебраться на собственную квартиру удалось только 10 августа (целый месяц он пользовался гостеприимством В.Э. Регеля). Но он продолжает чувствовать себя плохо; выезжает кататься в Александровский парк, но подниматься к себе в четвертый этаж не может, его вносят на руках с большою охотою и любезностью швейцар и старший дворник⁶. Ему бы хотелось провести август и часть сентября за городом, например, в Ораниенбауме или в доме приглашавшего его проф. И.В. Помяловского в Гатчине, но консультировавший его проф. Л.В. Попов нашел сильное расширение сердца и запретил всякое передвижение.

Его тяготит неподвижность и запрещение занятий. Праздность взаперти наводит тоску, и он начинает строить планы, так сказать, “лучшего будущего”. Еще среди лета (28 июля 1898 г.) читаем в одном письме целый проект⁷: «Хорошо было бы уехать из Петербурга на тяжелое осеннее время, хотя путешествие в Крым или на пресловутую Ривьеру не особенно реко-

² Хотя здоровым уже по-настоящему он с тех пор себя не чувствовал. Он пишет Л.Н. Майкову 6 января 1895 г.: “Более всего желаю Вам доброго здоровья: пожелание самое заурядное и ходячее, но с моей стороны оно сопровождается искреннею теплотою и глубокосознательностью (sic!), ибо я сам все более и более научаюсь ценить это утрачиваемое мною благо” (ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 1. Д. 22. Л. 22).

³ Можно вспомнить, как протекал этот год, так как остался ряд писем к Л.Н. Майкову, которому он тогда часто писал, так как и тот тоже хворал, и В-ский, умоляет его не подниматься к нему на четвертый этаж. Кроме того, я лично много раз виделся с В. Гр-чем и мог наблюдать за его болезнью, занятиями и настроением (см. примеч. 6).

⁴ В десятой линии (№ 15) между Большим и Средним проспектами.

⁵ В-ский, шутя, называет его “василюстровским Боткинским”: он пользовался большою известностью в интеллигентных кругах на Острове, где и сам жил. Это был очень знающий специалист и хороший человек.

⁶ Он острит по этому поводу, говоря, что пользуется “любовью народною в своем доме”. Его, в самом деле, любили простые люди и не за подачки, а за внимательность, простоту и доброту, за бесхитрое признание равноправия.

⁷ Привожу сейчас и ниже большие выписки из писем, так как они отлично характеризуют состояние духа В. Гр-ча. Доктора предупреждали, что придется еще долго возиться с болезнью и не обнадёживали, что выздоровление настанет полное; он огорчался, но не терял терпения и кротости.

мендуется, ибо сопряжено с утомлением. Ввиду всего этого в свои бессонные часы ночью я стал придумывать собственные планы. Если болеть после выздоровления, то болеть с пользой и удовольствием, для себя и для других. Не поехать ли мне просто за границу, не побывать ли в Италии, в Риме? Не взять ли отпуск, а то и командировку на целую зиму? Ведь, пожалуй, и умирать будет стыдно, не выдавши голубого итальянского неба. Можно будет заглянуть в Ватиканскую библиотеку, хотя зимой там заниматься почти невозможно и об открытиях мечтать поэтому не дозволяется. А не худо было бы напасть еще раз на какого-нибудь Кекавмена⁸. По возвращении я бы официально уже оставил редакцию⁹ и поселился бы где-нибудь поблизости Академии, чтобы увеличить вереницу плетущихся по субботам в известном направлении по Университетской набережной старичков почтенного вида, очевидно, посвятивших себя высшим созерцаниям. Прежде всего я занялся бы изданием первого выпуска своих “Исследований”, которые известны публике по второму выпуску, и затем и другого, неоконченного... Вот мои мечты. Они еще были подогреты полученным мною из Старой Руссы известием, что В.И. Модестов получил командировку в Италию на три года. Откуда сие бысть, не могу сообразить, но присутствие в Риме такого в нем старожила и моего приятеля, очевидно, было бы для меня весьма кстати»¹⁰.

Надежда на выздоровление, желание поправиться не вызывается у него трусливым цеплянием за жизнь при ощущении пропадающего здоровья, а неослабевающею тягою к работе, волнующею его острою памятью, что многое еще надо сделать, никак нельзя оставить важных материалов неопубликованными, дорогих мыслей невысказанными и необоснованными. Через несколько дней планы его меняются (1 августа): «Теперь я уже на острове Корфу¹¹. В Риме месяцы декабрь и январь неблагоприятны для жительства, а на острове, по рассказам, гуляют в летнем платье даже в первый день января¹². Отсюда я проеду в Афины, чтобы постоять перед Акрополем и проникнуться теми чувствованиями, о которых говорила телеграмма Вильгельма II Бисмарку. Вы, впрочем, ничего не сообщайте Вашему приятелю, Высочайшему велосипедисту из Павловска¹³, а то он пожелает, чтобы я представился его сестрице, жительствующей в столице греческого королевства¹⁴. Возвратиться можно будет через Константинополь. Разве это не похоже на мечтания? Хорошо, если бы хоть часть их осуществилась?».

И здесь В. Гр. стремится в места, связанные с историческими великими воспоминаниями, близкими к его научным работам. О здоровье или, вернее, о болезни говорится лишь вскользь, между прочим. А недуг идет своим чередом, то ухудшаясь и заставляя его сильнее страдать, то давая короткие отдыхи, как бы щадя больного, облегчая его мучения. Он вообще редко жаловался на судьбу, переносил страдания стойко и мужественно, но, не переставая думать о других, к своей беде относился с добрым юмором.

л. 379

⁸ Он вспоминает найденную им и обработанную ценную византийскую рукопись [Речь идет о московской синодальной рукописи Греч. № 436. См. публикацию: Cecaumeni Strategicon et incerti scriptoris De officiis regis libellus / Ed. В. Wassiliewsky et V. Jernstedt. Petropoli, 1896.]

⁹ Журнал Министерства народного просвещения.

¹⁰ В другом письме он говорит, что пока поехал бы в Финляндию готовиться к заграничному путешествию (1 августа) (письмо к Л.Н. Майкову от 1 августа 1898 г. ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 1. Д. 22. Л. 84).

¹¹ Разумеется, в мечтаниях бессонных ночей.

¹² Коллеги, приятели и знакомые навещали его, и каждый давал свой совет.

¹³ Здесь намечается на президента Академии, великого князя Константина [Константиновича], владельца Павловска, увлекавшегося велосипедным спортом (годы жизни 1858–1915).

¹⁴ Подразумевается королева греческая Ольга Константиновна (1851–1925).

Настойчивое, взволнованное стремление (неодолимая потребность) вернуться к прерванным занятиям охватывало В. Г-ча эти месяцы всякий раз, как ему становилось хоть несколько легче в болезни, которая более полугода держала его на краю могилы. И он проявлял здесь не часто встречающуюся силу жизни и энергию дела. Он сейчас же переставал смотреть на себя, как на больного, сердился на заботы и предостережения окружающих, раскрывал свои материалы, садился за стол, окружал себя фолиантами, брался за перо, страшась упустить остающееся время (верно, ощущая приблизившийся конец), ловя возможность произнести недосказанные слова.

Он не жалел себя в такие критические месяцы, когда только строжайшая осторожность могла предотвратить резкое ухудшение и продлить уже сосчитанные дни. Он все решительнее рвался за границу – в Италию и очень раздражался против д-ра Штанге, который все откладывал разрешение на выезд, отговариваясь тем, что надо окрепнуть. Мне доктор признавался, что он боится отпускать его, так как катастрофа может грозить в дороге, что организм В. Гр-ча в полном расстройстве, надежды на выздоровление нет и он “живет уже в долг” (так выражался Штанге). Но В. Гр-чу в середине зимы стало несколько лучше, и силы прибавились. Приглашенный на консультацию известный доктор Л.О. Бертенсон нашел возможным для больного выехать в Италию, но советовал подождать начала весны, которая рано начинается в благодатной стране.

л. 379
об. Уже в январе начались приготовления, но дело оттягивалось, погода была // холодная, и состояние больного колебалось, но он покорно ждал выезда и только просил врачей и своих поторопиться. Душа его страшно рвалась в Италию, и он очень любил в эти дни говорить о ней. Во время командировки в молодые годы безденежье не дало ему достигнуть Италии, потом жизнь до конца отрывала от нее, теперь недуг грозит отнять последнюю надежду увидеть ее на склоне дней. Зная мое пристрастие к стране, он все говорил мне: “Приходите почаще: вы еще расскажете мне об Италии; ваша любовь к ней живит мою душу, делает меня опять здоровым и молодым”. Он читал книги об Италии, изучал путеводители, пытался учиться практически итальянскому языку, но отчаявался (sic!) – мало времени и не до того. Он шутливо пишет об этом Майкову (9 янв. 1899): «Не имея надежды научиться итальянской речи, я решил возобновить свои – тоже небольшие – познания во французском разговорном языке. С этой целью я купил “Lettre à une inconnue” Мериме и читаю их – иногда забавным образом вслух. Хороший писатель. Только очень жаль, что он все писал к дамам, а мне бы желательно было найти у него материал для разговора в библиотеке и с учеными. Впрочем, есть полезные сведения. В том и в другом томе встречаются письма из Канн (Cannes) от первой половины февраля с сильными жалобами на холод и дурную погоду. А меня посылал на Ривьеру ранее»¹⁵.

С осени 1898 г. В. Гр-ч, конечно, не читал лекций и в “Журнале Мин. Нар. Просв.” его заменял с горячею готовностью помощник его по редакции Э.Л. Радлов [1854—1928], большой его почитатель. В-ский постоянно

¹⁵ ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 1. Д. 22. Л. 87. В. Гр-ч хорошо знал много иностр[анных] языков, но говорил на всех плохо (тому виною деревенское детство в духовной семье и семинарское образование). Помню, когда я спрашивал приезжавшего в Петербург в свои молодые годы нынешнего известного французского византиниста, историка искусства Милле (Габриель Милле приезжал в Петербург в феврале 1896 г. в связи с планами совместной русско-французской экспедиции на Афон. – И.М.), как понравился ему В-ский, он отвечал, что, конечно, это замечательный ученый, но он какой-то равнодушный (peu enthousiaste): а он просто стеснялся своего “mauvais français”.

выражал ему свою душевную благодарность и перед отъездом настойчиво хлопотал, чтобы обеспечить его своим преемником как редактором журнала¹⁶, но оставаться в бездействии В-ский не мог, несмотря на болезнь. За составом и выходом очередных книжек журнала он следил все-таки тщательно, сам писал или пытался дописывать собственные недоконченные статьи. Можно было застать его наклоненным над письменным столом, старающимся не замечать болей и изнурения, работающим из последних сил.

Именно в эти тяжелые предсмертные месяцы В. Гр-чем были написаны последние две его работы – некролог по скончавшемуся (sic!) незадолго до него самого старшего его товарища по Академии и по византийским занятиям Аристе Аристовиче Кунике [1814–1899] и отчет-характеристика о пятилетнем существовании и деле руководимого им ученого журнала – “Византийский Временник”¹⁷.

А.А. Куник достиг в 1899 г. своего 85-летия. В-ский должен был непременно помянуть его первым: Куник был ближайший “соспециалист” и патриарх византиноведения (если последнее и не было исключительным его делом), а потом его инициативе и деятельной поддержке В-ский был обязан постановкой в 1889 г. его кандидатуры, как академик. Это было “noblesse oblige”. Между тем захватывал страх: вдруг окончательно слягу, не успею, не выйду. А задача – ответственная и сложная: Куник – оригинальная личность, и он прожил долгую деятельную ученую жизнь. Надо его достойно оценить, а для этого многое пересмотреть в короткий срок.

Это было для В-ского серьезное беспокойство и забота. А.А. Куник болел уже с конца 1898 года. В. Гр-ч справляется у Майкова (17 янв. 1899): “Что Арист Аристович? До меня доходят тревожные слухи... Он не должен умирать в мое отсутствие¹⁸ и не примирившись со мною вполне”. Речь идет в последних словах о неудовольствии по отношению к нему Куника в связи с каким-то ученым спором или академическим вопросом. В-ский мог иногда не сдержаться в полемике, а Куник в старости стал подозрителен и обидчив. Должно быть, сразу сговориться не удалось, потом В. Гр-ч заболел, и инцидент не был вполне исчерпан. Это огорчает его, а навесить старика мешает собственная хворость¹⁹.

А.А. Куник скончался [19 января 1899 года]²⁰. В.Г. В-ский с печалью пишет (22 янв. 1899): “Арист Аристович все-таки умер, когда не нужно было ему этого делать. По крайней мере, я лично молил Бога, чтобы его дни продлились, по меньшей мере, на год, дабы я, воротившись из-за границы, имел возможность с ним вполне примириться. Может быть, это оказалось бы трудным, ибо он становился капризным. Однако же я узнал, что мое к нему письмо в декабре произвело на него приятное впечатление. Он поверил искренности моего уверения, что я никогда не переставал уважать его и даже любить, что я все-таки считаю себя способным

л. 380

¹⁶ Желание его состоялось, но только после смерти В-ского. Э.Д. Радлов пробыв редактором ЖМНПр до прекращения его, но он ни за что не соглашался принять редакторство даже после отъезда В-ского за границу, не принимал от него хотя бы части предлагавшегося ему редакторского вознаграждения, которое В-скому тяжело было получать, не работая на правах (?).

¹⁷ См.: ВВ. 1899. Т. 6. С. 619–636 (некролог (А.А. Кунику); Приложение. С. 1–23 (отчет “Византийский временник за пять лет, 1894–1898”).

¹⁸ То есть покамест В-ский будет поправляться сам за границей.

¹⁹ ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 1. Д. 22. Л. 88. В этом же письме В. Гр.-ч тревожился о повторной болезни своего коллеги по Академии и по ЖМНПр В.К. Эрнштедта, который пережил его лишь года на три. Всегда думает о других.

²⁰ У И.М. Гревса здесь пробел; в машинописной копии указана дата “18 января”; см.: ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 1. Д. 22. Л. 333.

ценить ученые заслуги не хуже кого-нибудь другого, что только злобствующие на меня лица, в сущности даже один мне лично похвалявшийся, старались внушить ему всяческие против меня подозрения²¹, а любил я его точно так же, как и Вы, со всеми его достолюбезными чудачествами, потому что с ним были связаны воспоминания если не самых юных и лучших дней, то начального ученого поприща”²².

Надо было браться за некролог. Непременный секретарь Академии ([Н.Ф.] Дубровин) требовал скорейшего представления его для доклада на заседании Академии в память Куника, врачи запрещали, родные отговаривали, В. Гр-ч чувствовал, что сил не хватает, он волнуется, но на нем лежит долг, и он не может ему изменить. Ему помогают при собирании сведений, но все припомнить, систематизировать и писать должен он сам, а болезнь редко отпускает свои злые когти. Несколько писем к Майкову полны тревожений по поводу этого некролога. Он хочет сделать дело хорошо, как приличествует одному крупному ученому, говорящему о другом. Между тем материала много, оставленного Куником, но мало биографических данных о нем самом. Ему дорого стоила эта работа, он страшно напрягался, но недоволен тем, как выходит: есть начало, есть конец, но середины нет, то есть не успеть разобрать всех трудов Куника, связанных с византиеведением (что ему особенно хотелось). Он советуется с Майковым, что делать, одобрил ли тот печатать то, что сложилось при таких тяжелых условиях. Трогательно читать эти совестливые волнения одного почти умирающего о том, чтобы почтить достойно другого, только что умершего²³.

Работа была сделана и появилась в печати уже как посмертная статья²⁴. Нет надобности специально говорить здесь о ней – она переносит нас к труду жизни другого ученого, замечательного эрудита, с огромными сведениями по многим научным областям, оригинала и чудака, но способного к удивительному беспристрастию, немца, бывшего, как говорили, // не вполне шутя, главою русской партии в Академии. Скажу, однако, что в ней воплощаются присущие В. Гр-чу до гробовой доски качества – пиззетта к науке и к тем, кто честно отдает свою жизнь бескорыстному служению ей, и замечательного умения понимать своеобразие и заслуги каждой научной индивидуальности. Интересно привести одну подробность относительно общественно-этических воззрений Куника. Ему противны были милитаризм и шовинизм, и он вооружился против русских планов завоевания, во что бы то ни стало, Константинополя. Когда ему возражали, что это ключ от нашего дома и без него мы будем и в военном, и в экономическом рабстве от иностранных держав, он отвечал: Завоевывайте св. Софию идеально, как всю Византию, изучая ее прошлое, так и знаменитый храм, исследуя его лучше других археологически и художественно. Остальное приложится вам. В. Гр-ч не мог не чувствовать уважение к такому благородному повороту идей.

Прикованный если не к постели, то к комнате, В-ский ни на минуту не забывал Академии, радел об ее интересах. В частности, он прилагал глубокую думу и энергичный почин и в описываемые последние меся-

л. 380
об.

²¹ В. Гр-ч называет Шеглова (пробел). Очевидно, то была злостная сплетня.

²² ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 1. Д. 22. Л. 89.

²³ Минутами он приходит в отчаяние: “Право же, мне нужно скорее уезжать, а то я сгину от одних тревожных размышлений – что, когда, как? Проснешься ночью, начнешь раздумывать, ни к чему не придешь, но совсем потеряешь сон и спокойствие” (28 января) (Там же. Л. 90).

²⁴ Читалось в отсутствие В.Г. В-ского в общем собрании Академии наук 6 февраля 1899 г. Напечатано в “Византийском временнике”, т. VI, в одном выпуске с некрологом самого В.Г. В-ского, написанном П.В. Безобразовым.

цы жизни к замещению освободившихся мест выбором новых достойных членов.

Прежде всего выдвигалась им кандидатура известного филолога, сравнительного языковеда И.А. Бодуэна де Куртенэ. Научная компетенция его была несомненна, но он вызывал неодобрение своим импрессионистским неровным характером, и “правой” части Академии не нравился своим, хоть и не всегда последовательным (может быть, это и не нравилось), но резким радикализмом воззрений. В-ский, поддерживая кандидатуру Бодуэна, устроил у себя “дипломатический” обед, пригласив Майкова, Ламанского и Шахматова с целью убедить одного из главных противников, В.Р. Розена, не противиться выбору. Это не удалось – все они были плохие дипломаты, и Розен свою позицию отстоял: “атака была отбита”, пишет В-ский, и кандидатура не прошла.

Другая попытка В. Гр-ча оказалась удачною. Дело касалось кафедры русской истории. В-ский отстаивал с большою энергиею выбор молодого тогда, но уже определенно выдвинувшегося ученостью, широкою образованностью, крупным талантом и замечательною трудовою выдержкою А.С. Лаппо-Данилевского²⁵. Кандидатура была по существу вполне твердая и достойная; но он был молод – это нарушало обычая, а потом были желающие из старших и заслуженных и соперники из русских историков поколения Лаппо-Данилевского. Потом можно было опасаться, что уединенная замкнутость его и горделивый индивидуализм оттолкнет ряд голосов. Надо было устранить препятствия. В-ский считал его неотложно желательным членом Академии: он хорошо предвидел, какой он будет деятельный и авторитетный сочлен. Он говорил, что Лаппо-Данилевский рожден академиком. Тут уж он действовал без всякой дипломатии: прямо стоял за своего кандидата.

Как энергично он действовал, видно все также из писем к Л.Н. Майкову. // Прежде всего, надо было установить право русской истории, как выставленной для замещения кафедры. Она была недостаточно представлена [в Академии]: Куник умер, он занимал кафедру (ее и предстояло заместить), и работы его касались лишь главным образом древнейшего периода. Интересы Дубровина также имеют специфический характер и ограничиваются новыми временами; сам В-ский себя настоящим русским историком не считал, а предмет в русской Академии должен быть центральным. “Так, как теперь, не должно продолжаться: нужен крепкий и свежий деятель в силах руководить работою по всей русской истории, особенно центральными частями ее (Московский период и XVIII-й в.) ... именно в том направлении, в каком идет наиболее горячая работа – учреждения, социально-экономический строй, в соединении с хорошим знакомством с архивами здесь и в Москве”. Таким и лучшим, по его убеждению, представлялся Лаппо-Данилевский – самостоятельный, выдающийся ум, уже несомненный знаток, человек, могущий рассчитывать (по возрасту своему) на долгую работу, притом безукоризненной (*sic!*) по нравственной физиономии человек (*un homme intègre*).

Так он прежде всего открыто выразил свое мнение одному из тех, которые (он мог думать) претендуют по праву на занятие ближайшего свободного места в Академии, заслуженному ученому, лучшему после него византиеведу – Федору Ивановичу Успенскому. Он указывал тому, что неоспоримо принадлежит ему наследство самого В-ского после его смерти²⁶; двух же ви-

²⁵ Лаппо-Данилевский Александр Сергеевич (1863–1919), академик с 1899 г.

²⁶ Это ему уготовано, и (он, должно быть, думал) – это не заставит себя ждать, а Федор Иванович долго (*sic!*) переживет его. Последнее он прямо сказал тому, и это оказалось верно. Избранный в академии после В-ского, он жил деятельною научною жизнью еще 30 лет после него (Ф.И. Успенский, 1845–1928).

зантистов (sic!) иметь в Академии одновременно неуместно, при отсутствии должным образом широко подготовленного русского историка. Затем Ф.И. Успенский занимал крупное почетное место вдали от Петербурга – он был директором Русского археологического института в Константинополе, – и это затрудняет его немедленную кандидатуру. Ф.И. Успенский, конечно, предоставил ему действовать по его убеждению и академической кафедры не добивался. Выбирать в академики иногородних и уже знаменитых русских историков, Ключевского или Иконникова, было неудобно, так как им могла быть предложена лишь ординатура, а тут освобождалось только место адъюнкта. Более молодым русским историкам, притязавшим на роль конкурентов, В-ский также откровенно объяснил свое предпочтение им Лаппо-Данилевского, готового всецело отдаться академической работе, к которой, по понятиям В-ского, он всею своею ученою физиономиею предназначался²⁷, хотя он и знал, что нелегко убедить людей в таких случаях, когда ставится личный, даже высокий и благородный интерес.

л. 381
об.

Упомяну об этом факте, так как он характерен для В-ского и ценен для биографии, как его самого, так и Лаппо-Данилевского. Он ратовал за дело, казавшееся ему важным и принципиально правильным, не щадя усилий даже в такой момент, когда ему, опасно больному и истощенному, неприятные переговоры, даже столкновения могли грозить тяжелыми осложнениями. Радея об интересах Академии, он не хотел уезжать, оставляя вопрос в неопределенном состоянии, и ему удалось продвинуть желанную кандидатуру до своего отправления //, причем им самим составлена была записка с мотивированным предложением. Он мог ехать спокойным по данному вопросу²⁸, а Лаппо-Данилевскому такую авторитетную инициативу оказалась обеспечена двадцатилетняя ученая деятельность в Академии, соответствующая его знаниям, его научному темпераменту и желаниям, вплоть до его преждевременной смерти в 1919 году²⁹.

Время шло и нетерпение В-ского ехать возрастало. Он хотел непременно посмотреть на свою поездку не как на преследующую исключительно цели здоровья, а ставил ей и научные задачи (не то, что старался закрыть глаза на свое положение, а надеялся, что лучше станет на юге). Он строил целый план, что видно из полуофициального письма его к Л.Н. Майкову (8 января 1899 г.), которое тот должен был показать в Академии и в Министерстве при хлопотах, которые брал на себя: «Так как [врачи] не воспрещают мне умственных занятий, а только рекомендуют осторожность и умеренность, то мне думается, что поездкою в Италию, более или менее продолжительным пребыванием в Риме, Флоренции и Венеции, а на возвратном пути в Женеве, Мюнхене и, может быть, в Вене, я мог бы воспользоваться для осуществления давнишних моих замыслов и мечтаний относительно ближайшего моего ознакомления с сокровищами Ватиканской и Венецианской библиотек, а также и других – по части греческих рукописей византийского содержания. В Италии я до сих пор не был, но по опыту моих занятий в Парижской Национальной Библиотеке я знаю, как бывает полезно ознакомление с

²⁷ В-ский ссылался и на то, что таков был предсмертный завет К.Н. Бестужева-Рюмина, высказанный ему и Л.Н. Майкову.

²⁸ В. Гр-ч писал Майкову 11 февраля: «Отлагать [выборы Данилевского] до моего возвращения из-за границы ввиду бренности всего земного мне стало казаться страшным. Пусть бы, по крайней мере, первый почин не ускользнул от меня. Итак, не согласились ли бы Вы на такую комбинацию, чтобы я перед своим отъездом написал и подписал представление о Лаппе, дабы оно могло быть внесено в отделение и затем до весны пройти дальнейшие стадии. Я полагаю, что успех нашего кандидата в отделении обеспечен» (ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 1. Д. 22. Л. 94).

²⁹ См. специально посвященную памяти А.С. Лаппо-Данилевского книжку «Русского исторического журнала» (1920. Кн. 6).

каталогами рукописей при возможности тотчас же проверить предположенный интерес манускрипта его рассмотрением, личным и непосредственным. Больших обещаний я не могу делать, своим мечтам я не позволяю далеко заноситься, имея в виду свои физические немощи, но ничто не мешает мне рассчитывать на счастье и удачу, которые иногда были ко мне благосклонны – имею ввиду открытие стратегика Кекавмена. На сем основании я решаюсь просить не только о заграничном отпуске, но и о командировании меня с ученою целью на четыре месяца служебных и три каникулярных, считая с февраля»³⁰.

Желание его было исполнено соответствующею властью, что свидетельствует о почитании В.Г. В-ского и в высших сферах, так как всем было известно, что болен он почти безнадежно, но выехать удалось не раньше 6 марта.

Помню во всех подробностях этот день отъезда, который стал и днем последнего свидания. На Варшавском вокзале холодным вечером собралась небольшая группа товарищей, друзей и учеников В. Гр-ча проводить его за границу. Он сидел в зале, весь закутанный, укрываясь от проникавшего в двери русского мороза, который еще не хотел уступать места теплу, с лицом, измученным и истощенным долгими страданиями, но с веселыми глазами и бодрою душою. Его поддерживала радостная надежда, что итальянское солнце возвратит // ему здоровье; он с чисто юношеским восторгом предвкушал наслаждение, которое должна была дать ему своею природою, своими памятниками, своими научными сокровищами дивная страна, седалище давней, великой культуры, куда давно влекли его многие собственные работы и связанные с ними дальнейшие интересы³¹. В прежние годы он часто сам посылал туда своих учеников с добрыми пожеланиями взглядываться и вдумываться в великую старину, рыться в архивах, “расширять свое миросозерцание”, как он с шуткою в тоне, но справедливо по существу прибавлял.

л. 382

Италия, действительно, не раз вдохновляла их мысль и направляла труд, после того, как именно ему удавалось впервые пробудить в них истинную любовь к науке, внушить им определенную задачу исторической работы. Теперь он возлагал твердые упования на ее чудодейственные свойства и для себя: он рассчитывал, что Италия быстро излечит его и откроет ему еще несколько лет хорошей старости, счастливой свободным научным трудом (после избавления от наиболее обременительных занятий), к которому он всегда так рвался и от которого его отрывали не одни болезни, но и лежавшие на нем чрезмерные служебные и семейные обязанности. Жутко было каждому близкому видеть такую почти детскую радость и веру в человеке, очевидно обреченном на скорый конец. Почти ясно было, что он не вернется; но горечь последнего расставания примирялась при виде того, как желание жить не было унижено в шедшем к смерти В. Гр-че страхом перед нею, а одухотворялось потребностью усиленной умственной деятельности. Оно воплощалось не в мелочной тревоге об избавлении от опасности, а в разнообразных планах, где он найдет драгоценный памятник, что он будет продолжать и заканчивать, а потом искать, исследовать, начинать, писать...

Такая неумирающая вера в возможность для него возрождения и неустанное влечение к научному труду, казалось, помогали ему побеждать фи-

³⁰ ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 1. Д. 22. Л. 86.

³¹ [Вычеркнуто примечание: Но всего более сияли в его умственных взорах образы Ватикана, Медичейской библиотеки *Lorenziana* во Флоренции и венецианского хранилища св. Марка].

зические мучения и слагались в картину достойного и возвышенного угасания. Только такое нравственное настроение души давало ему, по-видимому, силы предпринять и перенести длинное [путешествие], утомительное и не для такого больного, как он, пойти напряженным усилием навстречу исполнению давнего горячего желания увидеть Рим перед смертью.

Первая часть путешествия прошла благополучно. Васильевские³² остановились на двое суток [в Вене] в гостинице (Grand Hôtel, Kärtharring, 9). Оттуда я получил от него замечательно бодрое, милое письмо, очень меня обрадовавшее и самым фактом (памятью обо мне), и содержанием: “Доехал до Вены благополучнейшим образом. Просидев в четырех стенах с унылым и скучным видом на Загородный проспект и серенькое низкое небо в Петербурге, я сразу стал чувствовать себя лучше на более открытом пространстве. Уже под Вильной я заметил, что здесь и небо имеет другой цвет, и воздух другой. Хотя под Варшавой мы опять увидели снег, – оказалось, он только что выпал, но это не нарушило моего благосостояния... По земле Чешской ехать было радостно; хотя воздух был свежий, но солнце светило ярко, открывались // широкие перспективы, окаймленные горами. Кроме радости я ничего не чувствовал: не было никаких болей, ни даже усталости. В ознаменование своего восторга я спросил за обедом³³ шампанского и в посрамление всех докторов выпил сам полстакана и не только остался жив и здоров, но даже более повеселел...”³⁴. Письмо заканчивалось надеждою на хороший исход всего странствия и нетерпеливо-радостным ожиданием предстоящего въезда в Рим. Доктора посылали его во Флоренцию, но он решил внутри себя прямо направляться к Вечному городу.

л. 382
об.

В Вене уже испортилась погода, и В-ский после короткой прогулки в экипаже в сторону Пратера просидел два дня больше всего в гостинице. Но настроение его не портилось. Время свое он занимал письмами. Письмо к Майкову (Вена, 9/21 марта) начинается, правда, печальным возгласом: “Расстался я с Вами, милые сердцу, расстался!”. Однако тотчас же затем оно продолжается бодрым тоном: “Но я глядел вперед без страха и с надеждой... Подъезжая под Ораны, я послал первый привет весне. Положим, ее еще не было, но довольно было взглянуть на небеса, чтобы получить ее предчувствие... Другой цвет облаков, другой воздух...”. Затем он рассказывает о различных перипетиях путешествия – при пересадках, в австрийской таможне, окрашивая все в комический цвет: ему весело, чувствуется даже задор.

И В.И. Ламанскому В. Гр-ч успел написать из Вены (тоже 9/21 марта). Тоже радуется доброму началу путешествия и своему хорошему самочувствию (ему гораздо лучше, чем в Петербурге). И он восхищается “землей Чешской”³⁵. Потом подтрунивает над ним, рассказывая, что Вл.Ив. рекомендовал ему давно не существующий отель “Erzherzog Karl”, и они напрасно разыскивали его в Вене. По поводу этого эпизода в письме к Майкову он вспоминает слова И.П. Минаева, когда тот явился рассерженный, опоздав к обеду на дачу к В.И. Ламанскому в Шувалове и “начал бранить сла-

³² В. Гр-ча сопровождали жена и взрослая дочь, и они пригласили с собой знакомого академического служителя Людвиг, который был очень предан ему.

³³ В вагоне-ресторане Международного общества.

³⁴ ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 2. Д. 41. Л. 17–18 об. Он и в маленьком письме к В.А. Штанге признается в этом своем акте свободомыслия против медицинской власти. В записочке из вагона (7 марта, за Вильной) к Майкову он тоже смеется над “недальновидностью” врачей (Там же. Оп. 1. Д. 22. Л. 95).

³⁵ Там же. Оп. 1. Д. 22. Л. 79. Собственно говоря, он коснулся ее только краешком – в моравском конце.

вянофилов: заберутся Бог знает куда и толком не расскажут адреса”. Потом он сообщает В.И. Ламанскому о своем свидании с И.В. Ягичем, посетившим его в гостинице в Вене. Он знал, как будет приятно тому, рассказывает, что Ягич был очень мил и внимателен, расспрашивал про него и выражал все время только одни дружелюбные чувства, добрые товарищеские воспоминания. Другам можно было вздохнуть спокойнее, прочитав эти первые вести из-за границы от уехавшего больного, которого они провозжали с самыми плохими предвидениями.

Но это был короткий просвет. Вторая половина путешествия из Вены в Италию сложилась совсем иначе и по внешним условиям и по внутреннему состоянию. В. Гр-ч сам описывает тяжелые впечатления в своих письмах. “Вторая часть пути – от Вены до Флоренции – не только не доставила такого удовольствия, как первая – напротив была тягостна. Главная причина – изменившаяся погода. Уже в Вене настал холод, затем весь путь до самой почти Флоренции мы совершили // под густым снегом, какого совсем не ожидали видеть в благословенной Италии”. Несчастливым образом в тот год и в Италии запоздала весна, потом надо помнить, что пришлось ведь переезжать через Альпы, далее через Аппенины; В. Гр-ч говорит, что когда они спустились в Тосканскую равнину, снег перестал; но и вообще денек выдался исключительно неблагоприятный; ему объяснили, что это разразилась “совсем неслыханная (в такой сезон) по своей свирепости трамонтана”.

л. 383

В. Гр-ч пишет, что “дорога из Вены сокрушила его”. Пришлось отменить первоначальное решение ехать прямо в Рим, которое он принял себе тайно от докторов, и остановиться во Флоренции. Ехать дальше он был не в силах, его вынесли из вагона в совершенном изнеможении, почти в дурноте. Он говорит, очевидно, придется засесть здесь надолго; Флоренция действительно стала последним местом его пребывания на земле. Он прожил там около двух месяцев. Эти месяцы были медленным умиранием; но и эти последние дни расставания с жизнью он остался таким, каким был всегда: не впадал в отчаяние, не страшился конца, не терял умственных интересов, читал, порывался к работе, думал о других, с добрыми чувствами и постоянными приветами обращался к друзьям, “протягивая к ним руку через Альпы”³⁶.

За В. Гр-чем очень ухаживали два молодые псаломщика русской церкви во Флоренции – Левицкий³⁷ и Бережков, посещали его ежедневно, исполняли все поручения, доставали книги, вообще облегчали ему материальные условия существования и трогали его своими хлопотами и заботами. У него еще бывал давний флорентийский старожил, русский немец фон-Фрикен, историк искусства и археолог, родственник петербургского профессора Форстена. Навещал его и старый друг В.И. Модестов, приезжая из Рима. Удалось найти порядочное жилище, куда и перевезли больного из гостиницы (Hôtel Helvetia, где ему было неудобно и неприятно).

В письме к В.И. Ламанскому (10 апреля) он описывает свой образ жизни. “Теперь мы живем на своей квартире, в одной из лучших новых улиц – via Magentia, 15³⁸. Передние комнаты обращены на север, но позади есть

³⁶ Так В.Г. Васильевский пишет и В.К. Ернштедту в недатированном письме из Флоренции: “Протягиваю правую академическую десницу через Альпы и дружески целую” (ПФА РАН. Ф. 733. Оп. 2. Д. 33. Л. 38–39 об.).

³⁷ Протоиерей Владимир Левицкий “с причтом” и хоронил В.Г. Васильевского (см.: Бибилов М.В. *Nic situs est...* // ВВ. 1994. Т. 55(80).

³⁸ В третьем, наружном концентре (terzocerchio), параллельно Арно, вблизи от пригородного парка Cascine.

выход в сад, в котором в хорошие дни светит и греет чудное солнце. За те часы, которые мне уже пришлось в нем провести, можно простить много Флоренции”³⁹. Такое горе: теплая погода все не устанавливалась; В. Гр-ч зяб в плохо отапливаемых комнатах, выходить почти не пришлось, она не могла очаровать тяжело страдающего мягкой, непобедимую красотой своего пейзажа и своего лика; она, скованная необычно непогодю, не могла ему улыбнуться, он не успел ее полюбить.

Из последнего письма к Л.Н. Майкову (20 мая нов. стиля), написанного за пять дней до кончины, извлекаем картину его последнего месяца. Это – удивительное, полное духовности умирание.

Ему трудно писать, но потребность общения побуждает покрывать дрожащим почерком целые листы. Он все хочет обходиться без усиленного ухода, поменьше беспокоить окружающих⁴⁰. Дочь отпустил в Рим, “а то, – говорит, – самому побывать там, пожалуй, не придется”, так, значит, пусть она побывает. Он радуется за друзей, что те у себя продолжают делать большое научное дело, шлет им пожелания успеха. На болезнь свою смотрит с покорным недоумением: “Болезнь // моя приняла какое-то странное направление, я перестаю что-нибудь понимать и думал было прекратить сообщения о ней, в письмах. От крайней слабости сил я совсем потерял возможность произвольных движений... Мечтаю о том счастливым времени, когда немножко будет позволено пройтись на ногах”. Но он терпит все кротко, просит усаживать его за стол, тогда пишет”⁴¹, читает книги, относящиеся к Италии, которые Бережков⁴² достает ему из Национальной Библиотеки или из известной читальни Vieuxseux (sic?). Он пытается даже статьи доканчивать, привезенные из России, “начинает даже нечто соображать об одной рукописи в Генуе”. Мысленный взор его постоянно тянется к России. Там готовились чествовать столетие со дня рождения Пушкина [пробел] мая. Он выражает надежду, что доживет до этого дня и спрашивает, как и куда послать свое приветствие, интересуется новыми томами академического издания сочинений великого поэта. Он очень просит выслать во Флоренцию в “Biblioteca Nazionale Centrale” (palazzo degli Uffici, secondo piano) лучшие издания русских классиков – “итальянцы очень любезны и интересуются всякою нашею диковиной”.

л. 383
об.

В то же число (за пять дней до смерти) написал В. Гр-ч еще к В.И. Ламанскому. Хочу закончить его жизнеописание этим словом его к другу, ставшим прощальным: увидим сейчас, оно полно сильных просветов жизни, любви, мысли о деле, об умственных благах и о других.

“Firenze, via Magentia, 8/20 Maggio, 1899. – Дорогой Владимир Иванович! Сам писать почти совсем не мог: с одной стороны, полный упадок сил, с другой, подкожное накопление воды до неимоверных размеров в ногах делают то, что только на руках жены или Людвигу могу добраться до стола, а с другой стороны, дочь свою я все-таки отпустил в Рим к Модестовым, с которыми она должна совершить путешествие в Неаполь и вернуться вместе с ними во Флоренцию, где некоторое время проживет и Василий Иванович. Что со мной делается, не знаю, но мой доктор не унывает, я же продолжаю ему доверять. Бывают мучительные ночи, но в 6 часов открыва-

³⁹ ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 1. Д. 22. Л. 80–80 об.

⁴⁰ “Дайте поддержать Вашу руку в своей”, – так заканчивает он это письмо; может быть, чувствует, что в последний раз (ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 1. Д. 22. Л. 99).

⁴¹ Ламанскому заявляет: “Сегодня сижу на солнце и пишу к Вам в неудобной, правда, позе, но с душевным удовольствием”.

⁴² О нем тепло говорит: он кончил курс в Петерб. Духовн. Акад., – значит, слушатель В.И. Ламанского, даровитый человек, но жаль, мало подготовлен.

ются ставни: свежий, но холодный воздух, много свету, а затем и солнце ощущаю и вижу из моей постели, и сердце радуется, хотя бы на короткий срок... После завтрака начинаются легкие занятия, прерываемые то припадками удушья, то дремотою. Теперь я стал прикасаться к Данте и почитать Савонаролу Виллари. Соображаю разные комбинации о рукописях. Мне пришла идея ходатайствовать перед факультетом о пособии для поездки в Италию известному Вам Сахарову (Владимиру Николаевичу)⁴³. Он мог бы по моим указаниям вступить в область византийской рукописной литературы и принести // мне прямую пользу⁴⁴... Чувствую, еще хранятся во мне где-то силы для работы. Дай Бог, чтобы я продержался подле Вас еще несколько лет и завершил кое-что из начатого. Обнимаю Вас. Ваш от всего сердца"⁴⁵.

л. 384

Уже почти обессиленный приближающейся смертью В. Гр-ч все-таки писал рукою, едва удерживавшею перо, еще другому, старшему ученику, работавшему в командировке в Германии над диссертациею, отвечая тщательно на его только что полученные научные вопросы. Он до самого конца мало думал о своей болезни, гораздо больше, во всяком случае, досадовал на нее, что она мешает работать и еще общаться с историческими сокрывищами Италии, чем боялся, что она приведет его к могиле. Не выносил он мысли о специальной борьбе с недугом. Он мечтал не о дальнейшем путешествии в какой-нибудь лечебный пункт, а об исполнении своего паломничества в Рим, которое рисовалось ему необходимым актом его ученой жизни. Он умер почти у ворот великого города, как будто звавшего его к себе, не успев вступить на прославленную почву. Эта картина печально соответствует незавершенному, раньше, чем можно было, прерванному делу его жизни.

В.Г. Васильевский скончался 13 мая (ст.ст.) [1899 г.] в [пробел] часов. Его успел застать в живых приехавший из Рима друг его В.И. Модестов, который и воздал ему последний долг. В. Гр-ч погребен на кладбище *cimitero degli Allorì* около Флоренции по дороге к знаменитому монастырю *Certosa di val d'Ena*. Я посетил его могилу летом 1907 г., когда сам с своими учениками и ученицами ездил в Италию в научно-историческую экскурсию. Кладбище расположено около дороги на полугоре; оно разбито по форме плана античного театра. На одном из его полукругов лежит белая, мраморная плита, покрывающая останки В. Гр-ча с начертанным его именем на русском и латинском языке⁴⁶. Кругом растут цветы, и могила отенена задумчивыми кипарисами. Красивое, тихое место успокоения дорогого праха!

В.Г. В-ский оставил землю. Но не могло исчезнуть с ним дело, которое он вел, научно-историческое исследование и преподавание, как вообще не пропадает серьезный труд жизни большого ума, руководимого чистым сердцем. Этот труд давал недостаточно удовлетворения и душевного мира ему самому, но он влагал много блага в духовное существование и деятельность других. Положил ли начало В-ский особой своей школе византиеведения и медиэвистики у нас? Чтобы ответить на это убедительно, требуется подвергнуть критическому изучению научную производительность сле-

⁴³ Это был студент – последний ученик В. Гр-ча, византинист, очень способный, о котором до последнего дня заботится его мысль.

⁴⁴ Последние слова, конечно, приведены как лишнее побуждение помочь ему устроить работу для ученика.

⁴⁵ ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 1. Д. 22. Л. 19.

⁴⁶ Тексты воспроизведены: *Бибиков М.В.* His situs est... С. 22; *Медведев И.П.* Honor sepulcri (размышления А.А. Васильева у могилы В.Г. Васильевского // ВВ. 1994. Т. 55 (80). С. 25.

дующих лет в этих областях знания, а также в соседних. За это пишущий данные строки не берется в настоящей книге.

л. 384
об.

Сейчас могу высказать по этому вопросу лишь несколько мыслей. Прежде всего замечу: не все зависит от человека в глубине оставляемого им духовного следа; многое обуславливается свойствами воспринимающей среды, стойкостью или изменчивостью ее. Следует, прежде всего, бросить взгляд на ближайшие, // последовавшие за его смертью годы, хотя бы первые полтора–два десятка лет. В этих пределах воздействие его личности, его духа, его работы было очень большое в том тесном, но определительном для духовной культуры страны и ее общества кругу, внутри которого он действовал, кругу ученых и научных работников академическим и университетским. Здесь, может быть, прежде всего он много сделал для самой организации научно-исследовательского дела и общего направления его дальнейшего движения и в таком смысле влиял на своих непосредственных коллег и сотрудников, старших (людей одного с ним поколения), находившихся с ним в последовательном общении, членов Академии и профессоров Университета, и младших, им привлеченных к работе. Они почувствовали себя без него ослабевшими и должны были в интересах продолжения общих начинаний взять на себя поддержание заложенных им традиций – и они разделили дело его между собою, причем и мысль его переживала в них.

В области византиеведения ученики его, ближайшие последователи его главной специальности, непосредственно продолжали его труд. Их было немного, но они все были “заряжены” шедшими от него вдохновениями и шли в проблемах, какие они себе выбирали, и методах исследования по проложенной и расчищенной им дороге⁴⁷. Очень было печально, что преподавание византийской истории прервалось в Петербургском университете после его смерти; но нельзя не видеть плода его же заветов, когда после 1905 г., когда университеты стали автономны, установлены были во многих из них если не отдельные кафедры, то курсы по византиеведению, последние могли подготовить новых представителей изучения эпохи, которая всеми, кому ведать надлежит, была признана важною ветвью “всеобщей” истории.

Что касается “медиевистики”, то нет никакого сомнения, что дальнейший рост этой существенной отрасли исторической науки, и в области чистого исследования, и в области университетских занятий, пошел от сильного ствола, созданного В. Гр-чем. Тут дело, сделанное именно им, особенно заметно на работе его учеников, наследовавших ему в Петербургском университете и попавших в другие. Отрицать этот рост у нас в первую четверть XX-го века вряд ли возможно, и в числе насадителей всего течения роль его рядом с ролью Павла Гавр. Виноградова, роль крупная и благотворная, не подлежит никакому сомнению. Прибавлю еще, что метод В-ского отразился не только в сфере “*studia mediaevalia*”, но учениками его были и прошедшие петербургскую школу представители древней и новой истории, также русской и славянской; воздействие от его трудов и общения с ним переходило и на тех, кто прямо у него не учился: я выше указывал,

⁴⁷ В машинописной копии за этим следует абзац, отсутствующий в автографе И.М. Гревса: «В своей последней статье, дающей отчет о первом пятилетии работы руководившего им “Византийского временника” (см.: “Журнал Мин. Нар. Просв.”, 1899, март) он прямо называет своими учениками, вышедшими из его аудитории, группу лиц, которых делит даже на два поколения – старших – В.Э. Регеля, Х.М. Лопарева и П.В. Безобразова, и младших – А.А. Васильева и Б.А. Панченко. Они уже при его жизни показали себя серьезными учениками» (ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 1. Д. 22а. Л. 353–354).

что и классики, романогерманисты, русские словесники – все искали у нас “научного наставничества” В.Г. В-ского. Во всех этих смыслах он был одним из сильнейших очагов и распространителем научного света не только “исторического”, но и “гуманитарного” вообще.

Заметное, осязательное и длительное влияние В. Гр-ча простиралось на немногих. Но можно сказать с уверенностью, что из бывших его слушателей не только те, которые // сами стали профессорами или учеными специалистами, чтли его память и с удовлетворением и благодарностью сознавали себя в известном смысле его духовными питомцами. Многие из них долгие годы работали в средней школе, учителями истории, литературы или древних языков. Среди мужчин и женщин, трудившихся на педагогическом поприще, немало лиц сеяли дальше полученные от него семена; некоторые, может быть, еще до сих пор помнят врученные им идеи, знания, преподанные им советы. Через уста их всех слово В-ского продолжало звучать в сознании немалых следовавших за ним поколений, подтверждая истину того, что в них содержалось. Я не хочу преувеличивать, но надобно понимать, что трудно наглядно вскрыть, прощупать все пути преемства духовного предания и найти ясно все признаки его продолжающейся жизни и действительности; но нельзя возражать против высказанного выше положения, что дело большого человека должно хранить могучую живучесть, и печальна та человеческая среда, которая не бережет даров прошлого, не понимает их, не впитывает их в себя; тем более достойна жалости та, которая их забывает или топчет.

Последние слова я обращаю не только в прошлое, но и в настоящее и будущее. Революция⁴⁸ круто повернула на совсем новую дорогу судьбы России, социальные и духовные, осудила и разрушила многое в прошлом, как злые или мертвые начала. Но порвать окончательно с ним она не может и не должна; отрицать все наследие веков было бы слепотою и неоправдываемою расточительностью. Есть нечто вечное, что связывает времена, что обуславливает передачу от поколения в поколение, из эпохи в эпоху плодов труда человеческого. Дело В.Г. В-ского направлено было на создание ценностей, нужных всегда и для всех. Он был представителем чистого знания, не такого, которое защищало бы интересы какого-нибудь привилегированного класса, политического строя, партии. Он искал достоверной истины, удовлетворяющей врожденной потребности человека, всякого человека знать истину. Таковая особенно должна быть дорога тому порядку, который строит благо для всех, стремится творить общество трудящихся, в котором всем обеспечено будет достойное человека существование. Для сторонников такого идеала личности, подобные В.Г. В-скому, должны быть дороги, как бы тесною и теоретичною ни казалась при беглом, поверхностном взгляде сфера их деятельности. В науке все нужно, ничего не пропадает в ней для блага всех, если только почитается в стране и благом свобода. В полном убеждении, что тут правда, я и считал важным долгом оставить закрепленным для новой России образ одного из добрых и редких работников старой.

Когда я ровно 30 лет тому назад писал свою скорбную заметку у свежей могилы В. Гр-ча и вспоминал направление научных идей его, только что ушедшего из жизни, мне невольно пришли на память несколько мест из оригинального сочинения // знаменитого французского идеалиста, который был в числе любимых писателей скончавшегося. Говорю о

л. 385

л. 385
об.

⁴⁸ И.М. Гревс сначала написал “Наша революция”, но затем вычеркнул слово “наша”.

книге Ренана “Будущее науки”. Чувствую потребность закончить ими и настоящую книгу.

“Совершенным был бы тот, кто одновременно являлся бы поэтом, философом, ученым, нравственным человеком, притом не в известные промежулки своей жизни и не в некоторые только моменты (это было бы посредственное совершенство!), но в глубоком взаимопроникновении во все протяжении своего существования, который был бы поэтом и одновременно философом, философом, но также ученым, словом, в котором все элементы человечности сливались бы в высшей гармонии” (L’avenir de la Science, p. 11). Так должно отразиться в личности то, что составит идеальное совершенство в человечестве; и передовые части человечества, как целые, прообразуют (sic!) в своих лучших чертах такой будущей высший тип человека⁴⁹. Ренан видит, что современная человеческая личность далека от такого совершенства. Но он думает, что жажда истины, отыскиваемой всеми путями познания, то есть именно то, что мы называем идейностью, лучше всего приближает человека к желанному состоянию, развивая в нем особенно сильно соответствующие мысли, чувства и склонности (Ibid. P. 17: “Savoir est le premier mot du symbole de la religion naturelle”). При таком высшем искании наука – высший светоч для человека. Потому-то Ренан называет ее “первою потребностью человечества” (le premier besoin de l’humanité) и верит, что она сможет поистине привести к улучшению положения человека на земле⁵⁰.

Такие мысли всегда были созвучны В.Г. Васильевскому, потому что отвечали основному его настроению и выражали приемлемый им идеал. Он верил в творческую и действенную силу познания. Он не мечтал сам о совершенстве. Не требуется и людям, понимавшим и ценившим его, считать его таковым, чтобы сохранить о нем благодарное воспоминание и проститься с ним хорошими словами [писателя], которому он сочувствовал в его призыве развивать идейность в людях при помощи науки и работал сам для такой цели в своей сфере без тщеславия, чуждаясь эффекта, но всюю данною ему большою силою.

⁴⁹ Ibid. P. 12: “Le modèle de la perfection nous est donné par L’humanité elle-même; la vie la plus parfaite est celle qui représente le mieux toute l’humanité. Or l’humanité cultivée n’est pas seulement morale, elle est savante, curieuse, poétique, passionnée”.

⁵⁰ Ibid. P. IX.